

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА



ТВОЙ
ДЕБЮТ

Она любила русскую песню с детства. Сначала слушать... Слушала с жадностью и упоением. Потом пробовала петь сама. И подруги, знакомые, соседи говорили, что им нравится, как она поет...

Но на берегах больших рек всегда поют с малолетства и чуть ли не все. И потому, любя песню, она мечтала сначала о медицине, а позже отправила документы на физмат.

И все же дружба с песней оказалась сильнее. И вот уже из Москвы в Казань пришел ответ: ее зачислили в музыкальное училище имени Гнесиных...

В ОБЩЕМ-ТО история привычная и хорошо знакомая. Многие и многие приходят в театр, музыку, искусство именно так. И, тем не менее, эти первые страницы совсем еще маленькой сценической биографии артистки Свердловского театра музыкальной комедии Любови Петриковой кажутся важными для верной оценки того, что уже сделано сегодня и будет, должно быть сделано завтра.

Свердловская музыкальная комедия по праву считается театром, где к молодежи относятся и строго, и внимательно. С первого же сезона Петрикова, — она была принята в труппу театра в семидесятом году, — получает весьма серьезное «боевое крещение». За дебютом в роли Любаши в спектакле «Табачный капитан» последовали Вера Чернова — в «Девчонке было 20 лет», Софья — в «Дамах и гусарах», Жузита — в «Донье Жуаните», Наташа — в «Будет завтра»... Сегодня в этом списке ролей и Лиза из «Графини Марицы», и Синема Ханум из «Короля на четверку с минутом», и Ксения из «Девичьего переполоха», и Валентина из «Веселой вдовы», Мэри и Ютта из спектакля-обозрения «Имре Кальмана», и Фаина из «Южного Креста», и конечно, Карела из венгерской комедии М. Дьярфаша «Проснись и пой».

Я говорю «конечно», потому что в этом, далеко не полном перечне ролей легко угадывается пристрастие театра и актрисы к сценическим характерам определенного склада и типа. В самом деле, чисто внешние данные прямо подсказывают целесообразность привлечения актрисы к работе над образами, где задор, темперамент, обаяние молодости бьют через край, где неутомимость и ершистость идут рука об руку с веселой и доброй улыбкой, выливаясь в поступки чуточку странные и экстраординарные...

Разумеется, степень удач в каждом конкретном случае различна. Хотя нельзя не заметить, что от премьеры к премьере героини Петриковой все реже покоряют нас только одним своим милым обаянием. Все отчетливее проявляются в них индивидуальные черты и черточки, за которыми ясно читаются конкретные, несхожие натуры и судьбы. Об определенной ступени исполнительской зрелости может говорить, например, отмеченный дипломом на недавнем смотре молодежи образ Фаины из музыкальной комедии В. Баснера «Южный Крест».

Эксцентричность, сатирическая заостренность красок, — это всегда трудно. А Петрикова, не теряя драгоценного чувства меры, пользовалась ими в этом спектакле увлеченно и щедро. Ее Фаина, парикмахер, была очень часто похожа на тех представительниц своей профессии, которых так любят изображать авторы многочисленных юмористических рассказов. Выражение лица, костюм, прическа, манеры — все вроде бы было слегка чересчур, выдавая нам человека не очень серьезного. Но вот что было интересно. Чем больше узнавали мы Фаину, с ее непомерным ухаживанием за Кулаженком, — матросом, ставшим для Фаины «живым манекеном», на котором она совершенствовала свое парикмахерское мастерство, — тем определеннее обнаруживались в героине Петриковой по-настоящему привлекательные душевные качества. Ее эксцентричность как бы помогала еще зримее оттенить мечту Фаины о большой и горячей любви.

Она радовалась тому, что это чувство, наконец, пришло. Что она встретила человека, который пошел на смешное, но истинное «самопожертвование», согласившись быть тем самым «живым манекеном»... Значит он достоин и уважения, и любви. Любви самой большой и искренней!..

И с героиней Петриковой мы расставались уже как с челове-

ком, которому отданы наши симпатии.

Так случилось и случается во многих спектаклях, где играет Петрикова. И, опять-таки, именно это обстоятельство заставляет по-иному взглянуть на тот список ролей, что упоминался выше в начале рассказа, о первых самостоятельных шагах актрисы на свердловской сцене. Да, в нем есть Лиза, Стасси, Синема Ханум, Фаина... Но рядом есть и Ксения из «Девичьего переполоха», и Любаша из «Табачного капитана», и Карела из «Проснись и пой»... И в каждой из этих ролей, опять-таки при всей разности результатов, заметно таготение Петриковой к сценическим краскам лиричным, мягким, согретым симпатиями и добрым отношением к людям.

А это ведь несколько иное, даже подчас прямо противоположное тому, что необходимо исполнителю, занятому, скажем, в опереттах Кальмана, где требуется следовать канонам строгого деления на «амплуа».

Тем радостнее отмечать попытки молодой актрисы пробовать свои силы на музыкальном и драматургическом материале разном и несхожем. Особенно если учесть, что и здесь Петриковой удается добиться весьма обнадеживающих результатов.

Вспомним о влюбленности недавней выпускницы гнесинского училища в русскую песню. Именно от нее пришла в «Девичий переполох» и «Табачный капитан» напевность речи, музыкальная пластичность жестов и движений. А главное — раздвигая песенность героини, которые способны на окрыленность в любви, на завидную самоотверженность и верность чувству.

Не случайно, одним из самых главных эпизодов в том же «Девичьем переполохе» становится для Петриковой бегство со смотрин, на которое решается Ксения...

Это если говорить о драматургии.

Но здесь же есть у актрисы и еще одна надежнейшая помощница, позволяющая оттенить, сделать ведущей лирическое начало в своей героине и в спектакле в целом: речь идет, естественно, о песне, о пропитанной русскими мотивами музыке Ю. Милютину.

Причем, эта тяга к песенному, лирическому, дает о себе знать и там, где без нее нельзя было обойтись. Ну, вот Карела, озорная, колючая девчонка из комедии «Проснись и пой». Именно она устроила переполох в доме, где поселилась, приехав в Будапешт. В нее влюбляется папа, сын... А потом оказывается, что все это — розыгрыш, во имя...

— Я люблю все красивое в жизни. Хочу, чтобы люди были красивы, — цитирует Петрикова слова роли, приходя ей право на лирическую «смягченность» эксцентричного поведения своей героини.

Или вспомните Валентину из «Веселой вдовы». Даже при ограниченных возможностях драматургического материала легко увидеть, как важно Валентине у Петриковой верить в то, что ее любят, любят истинно и самозабвенно. Вот почему, когда у нее есть сомнения в любви, она может быть и чуточку грустной. А музыка? Разве не к лучшим лирическим страницам оперетты Легара относятся мелодия дуэта о любви-счастье и первом подобном поцелуе? Так почему же не прислушаться к музыкальной подсказке автора и не увидеть за эфемерной великосветской маской жены посла — просто женщину, тоскующую о настоящим чувстве, с которым — увы! — приходится в жизни встречаться так редко?

Словом, в творческом поиске актрисы все отчетливее вырабатывается своя, близкая ей тема. Она — в том, что уже сыграно. Она в задумках, в планах на будущее. Так, Петриковой очень хочется сыграть, например, Элизу в «Моей прекрасной леди»...

Впрочем, не будем загадывать, просто подождем немного. В любом случае, какими бы ни были новые премьеры, встречи с молодой актрисой обещают быть интересными и в чем-то неожиданными. Хотя так и должно быть. Ведь Любовь Петрикова дебютировала и работает в Свердловском театре музыкальной комедии, театре, известном и своими поисками, и своими мастерами, и пристальным вниманием, заботой о молодежи.

М. ФИЛИПОВ,

ТА ОМЕТНУ

107